

Мстислав Валерианович Добужинский

**«Я мечтал снова начать жизнь в Петербурге
и остаться там навсегда»**

Переводчица Галина Валериановна Варик-Лысенко предложила нам опубликовать в альманахе «Фонтанка» материал, посвященный книге воспоминаний М. В. Добужинского (к 140-летию со дня его рождения). Творчество художника всегда восхищало ее, к тому же она обнаружила удивительное совпадение: города Новгород, Петербург, Вильнюс (и в той же последовательности) сыграли определяющую роль и в жизни М. В. Добужинского и в ее судьбе.

В октябре 1990 г. на выставке «18 художников Монмартра» в Париже Галина Валериановна познакомилась с сыновьями художника, взяла интервью у старшего сына – Ростислава Мстиславовича. Прочитала беседу с ним в газете «Русская мысль» (1987, 2 окт.) о книге «Воспоминаний» М. В. Добужинского, выпущенной издательством «Наука» в Москве в 1987 г. По словам сына, «воспоминания подверглись не только всякого рода сокращениям, но и грубому искажению». По мнению Ростислава Мстиславовича Добужинского, книга, изданная «Наукой», является нарушением авторского права и представляет собой простую перекомпоновку американского издания, выпущенного сыновьями художника в Нью-Йорке в 1976 г. с добавлением примечаний Г. И. Чугунова.

Ростислав Добужинский преподнес собеседнице книгу воспоминаний отца с надписью: «Дорогой Галине Валериановне подлинный, оригинальный первый том, бесстыдно искалечен-

ный в тайном от нас, семьи автора, издании «Наука» господином Чугуновым. С дружеским чувством Ростислав Добужинский».

В рукописи М. В. Добужинского есть запись: «Закончил первую часть воспоминаний до конца 1904 г., до самой революции... Июнь, 5. 1957». Именно эта рукопись стала основой изданной сыновьями книги. Выдающийся художник ставил перед собой высокие требования: «Этот раз я собрал всё, что вспомнилось о писателях и поэтах... но это трудно и ответственно, т. к. приходится делать портреты не только внешние, но и внутренние, и хочу избежать, конечно, шаблонной биографичности, “критических очерков”, и вообще “хрестоматии”». Текст воспоминаний созвучен Серебряному веку и замечательно передает его атмосферу.

Галина Валериановна много раз с любовью перечитывала подаренную ей редкую книгу и теперь приглашает читателей «Фонтанки» к «медленному чтению» отрывков из воспоминаний Мстислава Валериановича Добужинского со своими пояснениями. Опубликованная ниже статья Г. В. Варик-Лысенко посвящена размышлениям о творчестве художника.

От редакции

По страницам «Воспоминаний»

Подборка и пояснения Г. В. Варик-Лысенко

М. В. Добужинский родился 2 августа 1875 года в Великом Новгороде на улице Прусской в доме своего деда по матери священника Тимофея Егоровича Софийского. Старшая дочь его Елизавета Тимофеевна в 1869 г. стала женой поручика лейб-гвардии конной артиллерии Валериана Петровича Добужинского. Всю свою жизнь Мстислав Валерианович будет помнить, откуда он, гордиться этим и не забывать три главных города своей жизни: Новгород Великий, Петербург, Вильнюс. Новгородец по рождению, имени, вере и «детству среди святынь», он создаст две главы вос-

Дом, где М. Добужинский увидел свет. Рис. и автограф художника

поминаний (третью и четвертую) и назовет их «Новгород» и «Новгородская родня».

При крещении меня назвали Мстиславом в честь Мстислава Храброго, святого князя новгородского, жившего в 12 веке... В Новгороде я жил среди преданий. Меня водили в Софийский Собор прикладываться к исполинской кожаной руке моего протрона, и было удивительно подумать, что эти мощи и есть тот самый удалой князь и богатырь, который жил столько веков назад... В притворе, где лежали мощи князя Мстислава в серебряной раке, покрытой толстыми украшениями и фигурками, были совсем маленькие царские врата с мелкой золотой резьбой, и эта драгоценность и все, что я видел в Соборе, занимало меня... У меня, еще совсем маленького, ко всей этой старине, которая была перед глазами и которой я касался своими руками, росло особенное чувство – как к святыне...

...Мне было мило и дорого все то, что из года в год, приезжая в Новгород, я находил на тех же самых местах, в комнатах дедушкиного дома... В зале длинный палисандровый рояль с красивыми бронзовыми украшениями, на котором поигрывали мои дяди,

а в углу стоял футляр с виолончелью дяди Тимы. На ней иногда играл и сам дедушка. Вся семья была очень музыкальна. Мать моя окончила Смольный институт и Консерваторию и обладала замечательным голосом. Все мое детство наполняла музыка.

...На стене столовой в старинной раме, усыпанной черным блестящим песком, висел литографический портрет знаменитого архимандрита Фотия, духовника императора Александра I.

...Дед мой был человек общительный, можно сказать светский... В доме бывало много офицерства – церковь деда была причислена к артиллерийскому ведомству.

...У дедушки были долголетние и, по-видимому, простые отношения с Великим Князем Михаилом Николаевичем (шефом артиллерии): он был даже крестным отцом младшего сына дедушки, другом моего детства, и дед, в свои редкие приезды в Петербург (он всегда останавливался у нас), каждый раз неизменно навещал Великого Князя запросто, хотя надевал все свои регалии, среди которых был наперсный крест на владимирской ленте и медаль за турецкий поход 1877 г. У него также был замечательный наперсный крест с самоцветными камнями – подношение прихожан, в числе которых числился также и Великий Князь, и орден св. Анны.

...Выросши, я узнал, что деда в городе высоко уважали за независимость взглядов. Он имел смелость освятить в Новгороде новое здание театра, вопреки тому, что это дом неугодных церкви «лицедеев» и «скоморохов»; по тем временам он мог рисковать серьезной опалой. Вообще, лишь позже, я смог понять, каким исключительным человеком был мой дед, особенно для своей среды.

...Мать моей мамы, бабушка Наталья Федоровна, до хозяйства не касалась, что-то все шила или вышивала (до старости очков не носила) или читала французскую книжку. Воспитана она была одной опальной фрейлиной, сосланной за что-то императором Павлом в Тихвинский монастырь, которая научила её и «изящным искусствам». В зале над диваном висела картина бабушкиной работы – большая акварель в нарядной старинной

*Петр Осипович Добужинский.
Фото конца XIX в.*

раме – копия французской гравюры 18 века «Семья моряка в бурю». Во всей огромной семье я был единственным внуком, и на меня изливалась вся нежность моей бабушки.

Другой дед художника Петр Осипович Добужинский говорил внуку: «Мы, Добужинские, не аристократы, но очень старого рода литовских дворян – не забудь это. Впервые фамилия наша официально упомянута в 1582 г. Наш род испокон веку обитал в Литве и владел имениями Добужі, Гружі, Раймуны, Пеняны... От названия имения Добужі, что находится под Вильнюсом, произошла фамилия Добужинские». Он свободно владел польским, литовским

и французским языками. Со своими детьми он всегда говорил по-русски. Он был патриархом дружной семьи Добужинских, и все его дети – четыре сына, две дочери, внуки и внучки – жили в Петербурге. ...Помню, что он всегда носил золотой перстень с фамильным гербом, тот самый, что теперь ношу я сам. У него был чин действительного Статского Советника (штатский генерал), и при отставке он получил чин Тайного Советника, и его мундир (помню фотографию) с правой и левой стороны груди был украшен двумя орденами Станислава и Анны, но вне службы он всегда носил штатское платье с туго накрахмаленной грудью и манжетами с золотыми запонками. Он занимал большой пост в Военном Министерстве.

Однажды мы с отцом навестили деда в его канцелярии на Исаакиевской площади в доме Лобанова-Ростовского. У него был большой кабинет с окнами на эту площадь. В этом чудном месте

Петербурга около самого Адмиралтейства я очутился впервые: был солнечный майский день, били фонтаны в Александровском саду, блестела золотая Адмиралтейская игла и было приятно, что дедушкина служба в таком красивом месте в доме вроде дворца, где у входа стоят два каменных льва, опираясь лапами на шары. Я, конечно, тогда не мог еще знать, что они фигурируют в «Медном всаднике». Дедушка вышел в отставку в Петербурге, прослужив 50 лет; сослуживцы преподнесли ему альбом с серебряной крышкой, где был изображен наш фамильный герб.

Это была культурная семья, из которой вышло немало интересных и значительных людей – Федор Петрович Добужинский, крупный юрист, друг академика И. П. Павлова. Второй брат отца Евстафий – военный врач, доктор медицины.

В Новгороде, где художник родился и жила его семья, и который он любил всю жизнь, нет ни улицы его имени, ни художественной школы его имени, ничего...

...Наш сад примыкал к беленькой церкви Михаила Архангела с пятью зелеными куполами, построенный в 12 в., где дед был настоятелем... Я очень любил, когда меня водили в соседний с Прусской улицей девичий Десятинный монастырь... Там лежали все наши родные.

В одну сторону от нашего дома Прусская улица вела к Сенной площадке, там пахло сеном и дегтем – древним «русским духом», а низенькие дома жались к красной стене Дётинца – Новгородского Кремля с его 9-тью башнями. Там же на площади стоял зеленый обелиск с орлом – памятник отечественной войне (по проекту Александра Брюллова). В другую сторону Прусская улица доходила до земляного Вала, который опоясывал весь город.

...Когда я попадал на Волховский мост и глядел в желтую воду, я всегда вспоминал то, что мне читал папа о Садко и о варягах, плывших на своих ладьях по Волхову на пути «в Греки».

...У меня, еще совсем маленького, ко всей старине, которая была перед моими глазами и которой я касался своими руками, росло особенное чувство как к святыне... И как все, что я слышал о древнем Новгороде, действовало на мое воображение!!!

Вал, весь заросший густой травой, был любимым местом прогулок. Он мне казался огромной высоты. В сторону города он был отлогий, к полям же спускался почти обрывом, и тут, где тянулся в древности крепостной ров, было длинное и узкое болото. На Валу в августе лавочки с Сенной площади варили брусничное варенье. Для котлов рыли в глиняной толще Вала небольшие ямы, и нам разрешалось добывать длинными лучинками, соструганными в виде лопаток, превкусные, обжигающие язык пенки. Это было среди едкого дыма, на вольном воздухе, особенно лакомо.

...За Валом шли огороды и полосатые пашни... А на горизонте синели «дремучие леса» – впереди же торчала унылая труба кирпичного завода. Она мне как-то мешала и придавала всему пейзажу непонятную печаль.

В центре всей панорамы блестел червонно-золотой шлем Святой Софии... Сбоку среди зелени виден тихий Десятинный монастырь. Над городом вечно крутились тучи галок и воронья, под вечер стремительно носились стрижи... И вся эта мирная родная мне картина навеки врезалась в мою память. В начале сентября мы с няней уезжали в Петербург. Начиналась снова моя Петербургская жизнь с моим отцом, который был солнцем моего истинно золотого детства.

В Петербурге на Выборгской стороне, в доме Михайловского артиллерийского училища, отец с сыном прожили одиннадцать лет. Затем Валериана Петровича перевели в Кишинев, а потом в Вильно, где продолжал учебу в гимназии и закончил её Мстислав Добужинский.

В Вильно старина как бы обнимала меня и я жил среди разных преданий, так же как и в моем детстве – в Новгороде... С самого начала и за все эти годы жизни в этом городе он был мне мил и был, как бы, родной и «свой», даже гимназия, которую я не любил, не мешала этому чувству – оно осталось на всю жизнь. Занимаясь в вильнюсской гимназии, в Петербург я приезжал каждый год до самого окончания гимназии, – или на Рождество, или на Пасху – и все это было как праздник. Эти приезды меня

*Валериан Петрович, Мстислав Валерианович
и Ростислав Мстиславович Добужинские.
Фото около 1910 г.*

освежали и всегда чем-нибудь обогащали, и я все время мечтал, чтобы когда-нибудь снова начать жизнь в Петербурге и остаться там навсегда.

...Для развития во мне художника отец дал мне все, что мог. Хотя мы и жили вне художественной среды, но это вовсе не было большим лишением по тому времени. Единственное, чего не доставало – у отца не было специальных книг по истории искусства. В детстве я знал о Рафаэле, Тициане, Микеланджело и Рубенсе – их четыре маленьких портрета – гравюры, вырезанные из немецкого журнала, отец повесил в моей детской. Иллюстрации в книгах и журналах я всегда рассматривал пристально.

С раннего детства мне чудились в самых обыкновенных изображениях еще какие-то образы... Настоящие картины я видел в

Эрмитаже... Там меня поразили «Последний день Помпеи» Брюллова, «Медный змий» Бруни (тогда еще не существовало музея императора Александра III, где они позже были помещены). Мы с отцом бывали в Академии Художеств на выставках. Отца, конечно, занимал вопрос, как в дальнейшем учить меня рисованию. В Петербурге имелась Школа Общества Поощрения Художеств. Отец отобрал несколько моих рисунков. Они были показаны, и я был принят в младший класс к моему восторгу...

В этот момент Мстиславу было 10 лет. В. П. Добужинский не стремился отдавать в гимназию своего сына, так как он боялся влияния среды в школе, неизбежно менее культурной по сравнению с тем уровнем, на который было поставлено воспитание его сына.

...Я имел право поступать в Пажеский корпус, как внук штатского генерала, или лицей или училище правоведения. Отец считал, что эти «привилегированные заведения готовят лишь карьеристов». Он сам никогда не искал протекции и был человеком долга. Готовили меня к гимназии сразу во второй класс студенты Военно-Медицинской Академии. 1-ая гимназия на углу Ивановской и Кабинетной. Все экзамены я выдержал. Отца перевели в Кишинев... С отъездом из Петербурга закончилась самая счастливая пора моего детства. Когда я вспоминаю мое Петербургское детство, то оно мне кажется каким-то «островом», от которого отчалила моя жизнь, отдельным невозвратным миром, поистине «потерянным раем». В нем все было освещено любовью моего отца, и за все то, что зарождалось в моем детском мире и то, что от него осталось во мне, я сознаю, что обязан всецело ему... И самая теплая память осталась от последнего моего посещения Новгорода вместе с моим отцом, перед самой войной 1914 года. Отцу захотелось на старости лет еще раз увидеть те места, где он жил совсем юным артиллерийским офицером и где женился на моей матери. Мы всюду побывали, зашли и на Прусскую улицу, по-прежнему спящую мирным сном, и я зарисовал опустелый дедушкин дом со старыми березами, которые его осеняли и стали еще выше, чем были в моем детстве. Я и не знал, что мы оба прощаемся с Новгородом навсегда...

Текст М. В. прост, образен, душевен и чист – текст художника, как проза случившегося поэта. Читая, видишь, даже ощущаешь Новгород конца XIX века. Возникает желание увидеть места, описанные им. Вспоминаются строки его письма из Лондона: «Чиню архитектуру своих воспоминаний... Я боюсь литературицины и стараюсь излагать все возможно проще, без всяких красот».

Послесловие

Записывать события своей жизни Мстислав Валерианович начал давно, но обрабатывать и приводить написанное в слитное целое стал только в последние 30 лет (имеются в виду 30-е г. XX в.). Отчасти под влиянием просьб редактора «Нового журнала» (Нью-Йорк), в котором были опубликованы отдельные главы его воспоминаний, а также в связи с предложением Чеховского Издательства в Нью-Йорке издать полностью его воспоминания. Так случилось, что Чеховское Издательство прекратило свою деятельность в 1956 г., а через год скончался сам художник. Книгу увидеть ему не пришлось. Рукописи пролежали без движения почти двадцать лет. При содействии его сыновей издание было подготовлено под общей редакцией Е.Е. Климова и опубликовано издательством «Путь Жизни» в Нью-Йорке в 1976 г. Том 1 охватывает период жизни Мстислава Валериановича до 1905 г. В книге имеется приложение, составленное из опубликованных в журналах и газетах статей о Художественном театре, «Мире искусств», С. Дягилеве, С. Рахманинове, А. Блоке, М. Чюрлёнисе и др. (издания «Русская мысль», «Новый журнал», «Новое Русское Слово», «Сборник памяти Рахманинова»).

С удовольствием привожу впечатления М. Чехова о статье М. В. Добужинского «Московский Художественный Театр», напечатанной в Новом журнале, Нью-Йорк [3]. Из письма М. Чехова М. Добужинскому: «Только что, сию минуту прочитал ваши воспоминания о МХТ и нахожусь под впечатлением. Я, как чело-

век подозрительный к себе самому, сейчас же задал вопрос себе: почему это так волнительно – не потому ли, что я знаю Мстислава Валериановича и я сам был в МХТ. Ответил сам: нет, не потому. Во-первых, эпоха так живо выступает в написанном. Во-вторых, написано так изумительно, так скромно и так ярко и сильно, что душа волнуется от этого сочетания скромности писавшего и яркости картин и типов им описанных. В-третьих, необыкновенная законченность и завершённость всего, что изложено, с началом и концом, как музыкальное произведение, с переходом из мажора в минор. Чудно! В-четвёртых, так много в такой сжатой форме. В-пятых, так много любви и чего-то человеческого (выразить не могу, но чувствую). В-шестых, особенно ценимая мною вещь – правда, искренность и такой изумительный такт... Тысячу раз спасибо Вам за эту радость. Жду дальнейшего.

13 июля 1951 г.

P.S. Словом: на-сла-дился. Воспоминаний Ваших в «Новом журнале» жду с нетерпением».

В период работы над воспоминаниями Мстислав Валерианович довольно часто обращался к Н. Берберовой с просьбой встретиться, чтобы прочесть ей написанные страницы. Поэтому мне представляется разумным и интересным привести словесный портрет М.В. Добужинского: «...Вся гармония, весь строй и лад “петербургского ансамбля” отразились в фигуре и интеллекте М. Добужинского. Я познакомилась с ним еще в Берлине. М. В. Добужинский был одним из самых обворожительных и красивых людей, которых я когда-либо знала. Его фигура, высокая, стройная, его сильные руки, лицо с умными, серьезными глазами, менявшаяся улыбка (у него был громадный юмор) – все было природно одухотворено и прекрасно.

В старости он остался очень прям и немножко окаменел, но не лицом. Даже голос его – спокойный и музыкальный – был в гармонии с его обликом. И как он умел смеяться, как любил смеяться!.. он работал над своими воспоминаниями. Писал замеча-

тельно, умел писать, умел говорить о прошлом, все время колеблясь между автобиографией и мемуарами. М.В. стал приходить ко мне и читать их мне... Его голос, такой полноводный... Я уговаривала его ничего не вычеркивать из текста воспоминаний» [4].

1922 год. М. В. Добужинский – профессор Академии художеств. Позади I Мировая война, революция, Гражданская война – ритм творческой работы и просто жизни... нарушен. На улицах холод, голод, разруха. Петербуржец М. Добужинский создает лучшие «пейзажи» любимого города: «Исаакий в метель», «Памятник Петру», «Летний сад зимой» и рисунки-иллюстрации к «Белым ночам». Так в истории культуры России появляется рядом с понятием «Петербург Достоевского» – «Петербург Добужинского». Работа «Исаакий в метель» воспринимается многими иллюстрацией к текстам Александра Блока. В 1923 г. издательство «Аквилон» выпускает «Белые ночи» в оформлении М. Добужинского. Обложка книги, иллюстрации, заставки и концовка создают мир, в котором жили оба творца – писатель и художник, создавший поэму, больше – гимн любимому городу в черно-белых тонах... как текст книги – ансамбль строгий, изысканный, совершенный. Совершенно вся книга в целом.

Наиболее значительные серии литографий были выполнены к концу 1922 г. на темы «Русская провинция», «Петербург 1921 года», «Городские сны» – фантазии на тему города и вывод художника: «Природа изгнана, индивидуальность исчезает». И это почти сто лет назад!.. Вывод творца через подмеченные им детали изменяющейся не очень спешно жизни города, его пейзажей. Сейчас слова «деталь» и «линия» – знаки творчества Добужинского, его «клеймо», если угодно, в текстах всех «ведов». Для него в 1914–1920 гг. и ранее деталь и линия были данностью, из которой рождался пророческий ансамбль «Городские сны», ибо мы уже более пятидесяти лет живем в нами построенных городах с потерянной индивидуальностью.

Н. Н. Евреинов пишет: «Добужинский открыл нам, со всей беспощадною меткостью своей грустной иронии, эту изнанку, эту оборотную сторону медали урбанизма XX века! Словно штем-

пель свой поставил на этих кошмарных небоскребах in futurum! Словно на всех них раз и навсегда навесил блестящие ярлыки своею подписью «М. Добужинский». И эта подпись слепит нас, слепит! Мне не нужно разбирать эти небрежные «д», «о», «б» внизу картины, чтобы увидеть, что это Добужинский, как мне не нужно его подписи внизу громады во дворе моего обиталища, чтобы эта подпись тот час же возникала, ослепительная, перед моими покорными глазами и властно, словно подпись повелителя заставляла меня относиться к данному предмету так, а не иначе» [2].

Будучи в Таганроге в картинной галерее я увидела акварель Добужинского 1914 года «Царское село, Камеронова галерея». Он грустит, печалится, ибо предвидит, правильное, видит – он ведь художник – потому мысль через образ, рисунок, картину. То, что видит, нарисовал в поразительной по силе предвидения и совершенства творческого – в серии рисунков, литографий «Городские сны». Его пророчество сбылось – мы нынче живем в таких городских пейзажах: «Поцелуй», «Дьявол», «Паук».

1. Добужинский М. В. Воспоминания. Нью-Йорк: Путь Жизни, 1976.
2. Евреинов Н. Н. Оригинал о портретистах : к проблеме субъективизма в искусстве. М.: Гос. изд-во, 1922. С. 53–54.
3. Новый журнал. Нью-Йорк. 1973. № 113.
4. Берберова Н. Курсив мой : автобиография. М.: Согласие, 1999.
5. Варик-Лысенко Г. В. О «Воспоминаниях» М. Добужинского // Писатель XXI. 2015. № 2(27). С. 126–133.